

Светлана Погодина

«И раввин дал ей имя Хая – жизнь»: к традиции имянаречения у евреев Латгалии

Проблема имянаречения входит в обширный комплекс, связанный как с родильной, так и с погребальной обрядностью в еврейской традиции [Амосова, Николаева 2008]. Распространенные в Латгалии представления об имянаречении во многом утрачивают такую прочную связь с ритуалами жизненного цикла, но сохраняют при этом определенные табу и предписания при имянаречении. Таким образом, разговор о традиции имянаречения в еврейской культуре неизменно связан с весьма обширным корпусом представлений, касающихся системы запретов и разрешений, призванных определить выбор имени ребенка [Амосова, Николаева 2010, 260].

Материал полевых экспедиций 2013–2015 гг., собранный на территории Латгалии, позволяет дополнить картину этой традиции новыми эмпирическими сведениями. В данном случае стратегии имянаречения имеют значительное сходство с описанными ранее по материалам, собранным на территории Галиции и Буковины [Амосова, Николаева 2010].

В корпусе собранных нарративов можно выделить ключевые аспекты, характеризующие совре-

менную традицию имянаречения у еврейских жителей латгальского региона (и проживающих ныне в других местах выходцев из Латгалии). Так, практически все информанты знают и соблюдают правило, согласно которому ребенку нельзя давать имя живого родственника. Эта установка называть детей в честь *умерших родственников* прослеживается у разных поколений латгальских информантов¹:

[Почему вас так назвали, Рашель?] Меня назвали именем моей бабушки. Бабушка была Раша. Раша-Мейра. Она была дочерью раввина. И бабушка молодая умерла, она умерла где-то в 56 лет. <...> И вот все дочки, у бабушки было девять детей, две дочки и сыновья, все называли своих детей ее именем. Я была уже вторая, которая. В семье я одна с таким именем получилась. Я родилась, отец оформлял документы <...>, и ему

¹ В ходе экспедиции не было зафиксировано случаев использования составных имен, когда имя конструируется из двух имен умерших родственников (например, *Лида* – как сочетание имен *Елизавета* и *Ида*).

не понравилось имя Раша, и он написал Рашель. Вот так я получилась Рашель. А первый был сын у тетки, маминой старшей сестры <...>, и тетка тоже очень любила бабушку, и чтобы как-то его имя напоминало Раше, или Рася, как ее все тут называли, его назвали Рувим. [Rez_13_01]

Вот моего двоюродного брата в честь него назвали Евсей, потому что у евреев принято по умершим давать имена. А мне дали имя Етта. Значит, когда я родилась, моего второго дедушку, значит, отца моего отца, звали Янкель. И они, значит, пришли со мной к этому ребе и, значит, спрашивают: «Вот, Янкель, вот как дать девочке имя?» Он говорит: «Етта». [Riga_15_05]

[Почему ее так назвали?] Называли только в честь умерших. Раньше давали имена только в честь умерших. Я в честь бабушки. А двоюродная сестра из Бауски, которая тоже погибла, ее тоже в честь бабушки – Хьена Блюма. [Riga_14_04]

А Михля выбрали имя потому, что у папе [sic!] была мама. И мама умерла. Даже ее не помню. А у нас по обычаю имя дают после близких умерших. [Riga_14_13]

[Почему вы детей так назвали?] Значит, Роман – это так решила мама. Моя. Мы когда встали перед дилеммой, как сына назвать, мама сказала: «Я вас никогда ни о чем не просила, у меня был брат. Его звали Роман». И вопрос решился за две секунды. А Диана мы назвали потому, что бабушка Шейна Давидовна была. Одна и вторая была. И вот решили, что как-то присокупить... [Rez_15_04]

В случаях, когда имя надо было сохранить, но не находилось прямых, очевидных соответствий между мужским и женским именем, появлялась весьма широкая вариативность. Так, например, был зафиксирован рассказ о том, как девочка получала

Двоюродные сестры и брат Хаи-Соры (Аронс) Ванюгиной. Зилупе, 1930-е (из личного архива Х.-С. Ванюгиной)

имя Адель в честь дедушки Адольфа [Riga_14_15]. Здесь наблюдается устойчивая трансформация традиционных практик имянаречения: корреляция «мужское – женское» строится на созвучии (аллитерация *д-л* и ассонанс на *а*), и это позволяет респондентам воспринимать имена как похожие, как мужской и женский варианты одного имени. Происхождение имени в данном случае не имеет значения для носителей традиции: немецкое имя Адольф трансформируется в романское Адель и используется в еврейской среде. Причина такого выбора, скорее всего, будет связана с языковой средой и понятием социального престижа. Так, в начале прошлого века немецкий язык воспринимался как язык образованных людей, он имел высокий статус, и в образованных (светских) еврейских семьях могли использоваться немецкие по своему происхождению имена. Более устойчивая связь наблюдается в случае использования имени Владимир, которое часто выступает аналогом традиционного идишского имени Велва [Riga_14_01]. Передача имени может происходить и в совсем редуцированном виде – здесь используется принцип совпадения первых букв имени при минимальном звуковом совпадении в остальной части имени:

Изабеллу назвали потому, что дед был Исаак. Она написана «Исабелла». Все в честь кого-то. [Rez_15_04]

Отец был Исаак. Звали Исаак. Так, мне не хотелось еврейское имя² давать, и муж не настаивал. Он никак не настаивал. Говорит – давай, может, чтобы первая буква была... Исаак – «И», Игорь. Так мы назвали Игорем. Первая буква от дедушки уже. [Riga_14_22]

Несколько записанных нарративов были связаны с обычаем называть последнего ребенка в семье специальным, особым именем. Книжным, библейским вариантом здесь выступает имя Вениамин:

Могло иметь место называния ребенка последнего мужского пола Вениамином, потому что

² Информантка – русская, ее муж – еврей, и, очевидно, по этой причине ей не хотелось давать ребенку еврейское имя.

Вениамин был младший из 12 детей Иакова, праотца. [Riga_14_06]

Фольклорный аналог этой традиции более распространенный, здесь используется соматическая лексика – самого младшего ребенка в семье называют *мизинцем*:

Во время войны мама устроилась в госпиталь работать, и она там посуду мыла. <...> и она в фартуке приносила несколько блинов. Так мое – крошки. И также хлеб. Крошки – это были мои. [Почему? Потому что вы самый младший сын?] Ну да, я самый младший и самый шустрый. [А были особые имена для младшего ребенка в семье?] Ну да, это особый ребенок. Нас было трое мальчиков, и вот я считался *мизинец*. [Мама вас так называла – «мизинец»?] Ну, она по-другому, по-еврейски, я сейчас не помню. Мизинец считается самый маленький³. [Liep_14_04]

Использование номинации «мизинец» – вероятно, пример славянского заимствования: в славянской традиции «семейная» метафорика может использоваться при назывании пальцев одной руки [Кабакова 2012, 247], и «обратное» именование также распространено. Во многих диалектах славянских языков самого младшего ребенка в семье уподобляют мизинцу, то есть последнему пальцу на руке [Кабакова 1994, 35].

Не менее устойчивой практикой, сохранившейся в культурной памяти информантов, является практика давать *двойное имя*. Такие имена распространены как среди родившихся в 1920–1930-е годы, так и среди их детей:

<...> вот это бабушка Хая, это этот, Берл-Сандлер, дедушка, это старшая дочка Хая-Сору и Шейна-Рохл. [У них двойные имена?] У всех. [Почему?] Это еврейская традиция. Чтобы не обидеть ни одного, вы знаете, дают же по умершим. И если

³ Крошки хлеба, которые отдаются младшему в семье ребенку, лексически также связаны с номинацией последнего ребенка: как показывает Г. Кабакова, общие названия хлеба и ребенка отражаются в терминах русских говоров, где младший ребенок обозначается словами, производными от корня *скреб*: оскребок, поскребуш и т.д. [Кабакова 1994, 34].

там где-то есть папина родня, мамина родня, их всех вместе нужно. Я тоже Хася-Лея. Но это нигде не значит. Она [бабушка – прим. С.П.] тоже была Хася-Лея. [Lud_13_09]

Он [дедушка – прим. С.П.] был Нохам-Ицик, как всегда эти два имени. [Два имени, почему?] Я вот тоже Симха-Геня. А у евреев так это принято было. <...> Это все тети. Это все в честь умерших родственников. <...> У меня дочь Люба. Она – Фрида-Липе, в честь маминой матери. [Riga_14_01]

Брата моего... у него двойное имя было Аврам-Янкель. Так давали евреям. Двойные имена давали. [Riga_14_03]

Зовут Хая-Сора. Но меня называют Хая, потому что в паспорте я тоже. Это по бабушке. В то время же давали двойные имя у евреев. Папину маму звали Хая-Сора. [Riga_15_04]

Брат был Файва, мама тоже, двойное имя было – Хава-Шехтеле. У папы тоже было двойное имя. Так принято. [Riga_15_12]

Мотивировка подобной практики в интерпретации информантов может сочетать в себе несколько представлений о функциях «двойного имени». Так, информант может интерпретировать второе имя как компромиссный выбор в споре между родителями («Я хочу дать такое имя» – «А я – такое»):

Я фактически раньше была Зара-Бейла. Зара-Бейла. [А почему два имени было?] У нас же дают по умершим. Имена. Нахка, вот. Нахку убили на фронте. Маминого брата. Нахку имя, значит, дали маминой сестры сын. <...> Два имени получается почему, сейчас я вам объясню. Значит, муж с женой, а родился ребенок. «Я хочу дать такое имя» – «А я – такое». Споров не было, раввин всегда говорил, что первое имя идет за женой. За мамой. Она решает. Если спорят, идут к раввину. Раввин решает этот вопрос. А тогда, наверное... фактически меня звали Сора-Бейле⁴. Кто-то был Сора, и кто-то был Бейле. И вот эти два имени. [Riga_15_14]

Второе имя может также восприниматься как обладающее апотропейной функцией. Примечательно, что в этой традиции осторожная прагматика приписывается *любому* второму имени:

У нас имена давали по мертвым. <...> Вернее, моей дочери дали имя, которое было у моего отца. Он был Фебус Файбуш, а ей дали Фаня. [А бывало так, что двойные имена?] Обязательно. [А как они давались?] Значит, оно дается, давалось, вот я так думаю – одно в честь умершего, а второе – если человек очень сильно болел, давали второе имя. Для чего? Чтобы болезнь переключилась на кого-то. Вот, например, Хая-Сора, есть такое имя. Хая – значит там в роду кто-то был, а Сора ей дается... [Riga_15_10]

Это назвали в честь брата отца. Тогда же было принято, что дают имена родственников, так. Мне дали это имя. А потом мне дали еще второе имя: говорили, что я сильно болел в детстве, и дали имя деда. Овсей. Тогда считалось, что если болеет человек, даешь имя, выздоравливает человек. Продлевает жизнь человека. Так это было принято. <...> В честь живых не дают, в честь умерших. Живого, у евреев такого закона нет. Нельзя. Вот у русских есть. <...> [Riga_14_07]

А Михля выбрали имя потому, что у папе [sic!] была мама. И мама умерла. Даже ее не помню. А у нас по обычаю имя дают после близких умерших. И меня назвали Михля-Ента. У меня в метрике написано «Михля-Ента». Бабушка была с двумя именами. Иной раз, бывает, дают второе имя, если человек заболевает или еще чего. Или еще, потому что от этой бабушки есть еще две девочки, которые тоже имеют имя Ента. <...> А у меня было два имени – Михля-Ента. [Riga_14_13]

Имя, которое, по воспоминаниям информантов, часто дают вторым – это Хаим (женский вариант – Хая), то есть «жизнь». В ходе экспедиций было зафиксировано несколько сюжетов об этом имени-апотропее. В каждом из этих рассказов ребенок получает второе (или третье) имя от раввина, оно является своего рода апотропеем в кризисной ситуации (болезнь). По воспоминаниям информантов, это имя давали в синагоге, апотропейность имени может усиливаться коллектив-

⁴ В начале интервью информант называет себя Зара-Бейла, затем Сора-Бейле: ситуация объясняется тем, что в паспорте она записана как Зара (в латышском нет имени Сора), но при рождении ей дали имя Сора-Бейле.

ными молитвами в синагоге. В этих сюжетах ключевая роль отводится раввину – единственному, кто способен помочь в ситуации опасной болезни и дать имя-оберег:

И вот когда она умерла, мама хотела дать мне имя Рашель. Пошла к раввину и спросила, как можно дать имя. Ее свекровь уже давно умерла, а как дать имя. Ну, одним словом, раз она давно умерла, раввин сказал дать новое имя, дали Рох-Двейра. Так ее звали, мою бабушку. А когда я заболела, была при смерти, мне дали третье имя. Это Хай. Жизнь. Это имя – жизнь. Мне было семь лет. <...> Но мама не звала ни Рох-Двейра, ни... когда я пошла в школу, мама записала меня как Розу Крумер⁵. [Riga_14_17]

А потому что у мамы был дядя, очень любимый. Его звали Тодрис. И мама пошла к раввину, и раввин вот переложил мое имя, и так я Тамара и была. Так мне мама объяснила. Мой младший покойный брат, он был по бабушке <...>, а Рахиль, она была самая старшая, в 14-м году она родилась, и началась первая война, и мама оказалась с ней в Петербурге. У барона Гинцбурга. В госпитале. Она заболела черной оспой. И раввин дал ей имя Хая, «жизнь». И так ее звали – Хая-Роха. [А в паспорте так и было записано?] Ну, моя сестра стала Лена [младшая сестра – прим. С.П.]. Лена она сейчас. Нет, она Лея в паспорте. [Когда ребенок рождался, надо было к раввину обращаться?] Да, обязательно. Раввин, во-первых, он записывал в свою книгу. Раньше же не было гражданской записи, только раввина. Вот мы получили наши свидетельства о рождении <...>. Мама давала [имена – прим. С.П.], приходила, говорила, что, вот, она хочет по бабушке, по брату, по дяде. У кого кто умер. Имена дают по умершим. [Riga_12_03]

⁵ Un kad viņa nomira, mamma gribēja mani iedod vārdu Rašela. Aizgāja pie rabīna un prāsīja kā var vārdu dod. Viņa vīrmāte jau sen nomira a kā uzdod vārdu. Nu, ar vienu vārdu, rabīns teica ta kā viņa jau sen nomira jādod viņai jaunu vārdu, iedēva Roha Dveira. Tā viņa sauca, mana vēc-mama. A kad es saslimā, man bija miršanas, man iedēva trešais vārds. Eto Hai. Žizņ. Tas ir vārds žizņ. Man bija septiņi gadi. [...] Bet nesauca mamma ne Roha Dveire... kad es iesāku iet skolā, mamma mani pierakstīja kā Rozu Krumere [Riga_14_17].

*Нохем-Ицке и Нехаме Светлицины.
Бабушка и дед Симхи Светлицинной (1900-е,
Латгалия, из личного архива С. Светлицинной)*

Отец был Хаим Лейзер. А когда он сильно болел, ему в синагоге дали еще имя. Чтобы за него молились. Хаим-Лейзер-Мейше. Вот Хаим – это жизнь. Вот ему прибавили это, когда он болел, Хаим, там молились в синагоге за него. А так его имя было Лейзер-Мейше. А поскольку моего мужа отец тоже был Мейша, так у нас по живым обычно не дают имя. <...> Вот, и его называли Хаим-Лазарем-Мейше, так моего сына называли Лейзер, Лазар. А Мейша мы не могли, потому что тот отец еще был живой. [Riga_14_18]

Еще один аспект этой темы – сюжеты о *смене имени*. Здесь имеется в виду в первую очередь практика самостоятельного изменения имени уже во взрослом или подростковом возрасте. Причины изменения имени будут связаны с иноэтническим и иноконфессиональным окружением, которое диктует свои условия существования

имени⁶. Так, трансформация имени может происходить под давлением грамматических правил доминирующего языка, изменения в имени – по логике созвучия (например: Ошер – Оскар)⁷:

Вот, а когда я меняла паспорт, документы, они сказали – оставляйте только одно имя. Латыши так написали «Зара». У них нет «Сара», у них – «Зара». И поэтому по документам я была Зара-Бейла. А когда я выбирала какие-то документы, или что, они сказали: «Мы только одно имя даем». Я говорю: «Тогда оставьте Бейла». Так я осталась Бейла. [Riga_15_14]

И когда мне надо было паспорт, а меня все звали Миди, потому что по-немецки, так в немецких семьях говорят Миди – это Медхен, и так меня Миди звали. И теперь я пошла, чтобы выбрать паспорт, и они мне говорят: «Как вас зовут?» Я говорю: «Миди». Они говорят: «В латышском на *-и* не кончается – или на *-э*, или на

⁶ Следует упомянуть, что имена входят в корпус шуток и дразнилок со стороны иноэтнических соседей. Так, распространенные имена *Сара* и *Абрам* используются для обыгрывания стереотипа о картавости как устойчивой речевой характеристики евреев. Например:

Меня родители Абрам называли. А почему так? Я вам должен заметить, что Абрам это можно сказать «Бог еврейский». Имя еврейского бога. Вот, и они меня так называли. А я уже когда оказался в среде детдомовских мальчишек, тогда мы разделялись, мальчики – группа, девочки. Отдельные. Смешанных не было. И я, вот, назвался Аркадием. Потому что в еврейской среде это было имя Бога, почитаемое имя. А уже в русской среде всех они евреев обзывали: «Абгам! Абгам!». <...> В детском доме меня уже обзывали по-еврейски, да. Вроде как: «Абгам, картавишь! Скажи букву „р“!». Это русские дети. [Lier_14_06];

Во время войны иногда по улице шли: «Сарочка!». В эвакуации, мне говорили. Или: «скажи: „кукуруза“». Потому что картавят. Дразнят. Дети. Раньше как-то сразу можно было определить, что еврей, а сейчас все смешалось. По внешности можно было определить. [Riga_15_12]

⁷ Впрочем, и сами информанты склонны к шутивому обыгрыванию собственного имени, его звучания: [Почему такое имя Вам дали?] [имя информанта Песке (Петр) – прим. С.П.] Не знаю, это надо у моей мамы спросить. Она просто всегда говорила, когда к ней ходили поздравлять с праздником Пасхой, она говорила только так, сколько помню: «А меня не надо поздравлять, у меня Пасха каждый день дома». [Lud_13_01]

-а. Значит я стала «Мидия». В паспорте я – Мидия. <...> Это не еврейское, это вообще не имя. [Riga_14_16]

Дедушку моего звали Хаце. Еврейское имя. Эхес, значит, если полное имя. Бабушку мою звали Соня. <...> А по-еврейски это, наверное, иначе звучит. Это имя Шона. <...> А мою маму, когда она родилась, называли Хана-Шейна, но ее все время звали Женя. <...> У тети имя было Гинда, а звали ее все время Инна. Инна ее звали. Брата звали Шия, а полное имя – это Евсей. [Riga_15_05]

Во-первых, Симха Израильевна. Симха – это в честь маминой родственницы. Конечно, поэтому так и называли. Но меня никто не звал Симхой, все звали Сима. А «Сима» перешло в России в кого? В Серафиму. И так это пошло. <...> Я меняла паспорт – и так, диплом у меня – и так, на Симу. Больше Сима шла. Серафима в обыденной речи, а Симха – в общении. В паспорте была Симха, да-да. <...> [А вы не знаете, что обозначает это имя?] «Симха» – это радость. Веселье. В переносном значении это – «хорошая». [Riga_14_01]

Таким образом, мы сталкиваемся с устойчивой практикой использования одного имени дома и другого – за его пределами, в публичном пространстве, то есть параллельного существования имени «паспортного» и имени обиходного, повседневного:

Мое имя здесь очень редкое, я знаю только еще тут одна Блюма. Это значит цветок. <...> На работе меня называли Люба и так... по документам я – Блюма, а так – Люба. [Riga_14_04]

Я сам назвал себя Зиновием. Потому что... Имя, которое мне дали при рождении, – Соломон, но когда я попал на корабль, я был Залман Нисонович. Тогда меня писарь записал «Зулусман Нисапопович». И я понял, что с таким именем на военном корабле <...> Поэтому – «Зиновий Николаевич», Зиновиев было много <...>, иначе нельзя было существовать. [Почему вас родители называли Залманом?] В честь деда. В честь прадеда. [Riga_14_11]

Меня называли Перец. Мое еврейское имя – Перец. А потом, когда я уже получал паспорт,

Дядя Шломо Камайского (жил в Корсовке (Карсава)).
1903 г. (из личного архива Ш. Камайского)

меня записали Петр. В общем-то, я сам хотел. Перец как-то не котировалось в то время. В Советском Союзе. А мне было шестнадцать лет, ничего особенно не понимал, в метрике у меня там написано «Перец Менделеевич». А когда я пошел получать паспорт, написал заявление на «Петр Максимович». А паспортистка, видимо, даже в метрику не заглянула. <...> Это я уже лично так придумал – Петр Максимович. Чтобы похоже, Перец – Петр, как-то так, чтобы не выделяться из среды этой самой. <...> Наши евреи дают имена по умершим, Перец – это моей бабушки отец. <...> Детей тоже в честь: Илья в

честь дедушки, он был Элье, мой дедушка – Элья, его назвали Илья. А Арон – это в честь моей жены, отец Арон был. А в паспорте он – Аркадий. [Riga_14_12]

Вообще его звали Нахум, а звали Анатолий. [А почему так?] Потому что многие старались еврейские на русский манер. [Знаете еще такие примеры?] Мама, например, родилась Перл, а потом она стала Вера. В советское время. <...> Дедушка был Адольф, а я – Адель. По дедушке. А мама – Перл. Перл – это жемчуг. По-еврейски. [Riga_14_15]

Следовательно, адаптация еврейского имени происходила с позиций русского или латышского языкового созвучия, целью такой адаптации было «снизить» своеобразное, специально еврейское звучание имени. Таким образом, Голда трансформируется в Ольга; Перл – в Вера; Хая – в Ханна и затем в совсем нейтральное Анна:

Лея – в честь бабушки. <...> Папа мой Самуил. [А нужно было так называть, в честь бабушки?] Нет, просто папа мой так захотел. Он захотел, и меня назвали в честь его мамы. <...> А старших братьев – Семен был и Абрашка, но он переделал Аркадий. Тоже Абрам, наверное. Потому что все звали его Абрашка. А потом уже, когда брал паспорт, написал Аркадий. [Lud_13_19]

Меня Анной вообще не назвали. Меня назвали Хая. По имени моей бабушки. А потом надо было латышский паспорт получать. И Хая... я не знаю, как там получилось, Хая, Ханна, мы говорили – ну ладно, Хая они не знают, как там писать, знаете, латышские эти инспектора... Ну, короче говоря, установили Анна. <...> Мою маму все звали Ольга, она вообще по метрике, ее не назвали Ольга. Ее назвали Блума Голда. А с этой «Голда» получилась «Ольга». [Riga_15_11]

Старшую звали Хьена. Меня звали Блюма. [Что значит Хьена?] Женя она. На идише ничего не значит. [Riga_14_04]

[Значит, вас зовут Владимир Бан?] Да, когда-то Вольф. Это мое еврейское крещеное имя. [А отчество?] Наумович или Нахомович. Сделали из Вольфа Вову, из Вовы – Владимира.

[А почему так делали?] Война, эвакуация, потеря документов, малолетство – Вова, Вова... [Riga_14_06]

Всегда так и называли Мейер. Потому уже, после войны, когда советская власть была, моя повольная [?] кличка была Миша. Это так все время и сохранилось. Михаил. В паспорте – Мейер. [Riga_14_07]

Двейра – Вера по-теперешнему. [Riga_15_09]

По этой же логике изменялись имена вроде Рувен на нейтральное Роберт, а Рохл (Рахиль) – на Рая.

Таким образом, материал, собранный в ходе латгальских экспедиций, дает возможность сделать следующий вывод. Традиция наречения имени претерпевает изменения в силу историко-социальной ситуации. Необходимость смены имени или его предельного изменения диктуется, по сути, теми же причинами, что и смена языка - потребностью вписаться в новую действительность, повысить социальный престиж и т.д. Существование в билингвальном пространстве также влияет на традицию имянаречения: имена изменяются с ориентацией, соответственно, на русский или латышский узус. В то же время определенные за-

преты и предписания традиции, пусть и в редуцированном и вариативном виде, продолжают сохраняться и транслироваться из поколения в поколение.

Литература

- Амосова, Николаева 2008 – *Амосова С.Н., Николаева С.В.* «Человек родился»: заметки о еврейском родильном обряде // Штетл XXI в.: Полевые исследования. / Сост. В.А. Дымшиц, А.А. Львов, А.В. Соколова. СПб, 2008. С. 83–98.
- Амосова, Николаева 2010 – *Амосова С.Н., Николаева С.В.* Практики перемены имени у евреев Подолии и Буковины в советский период // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2010. С. 259–281.
- Кабакова 1994 – *Кабакова Г.И.* О поскребышах, мизинцах и прочих маменькиных сынках // Живая старина. 1994. № 4. С. 34–36.
- Кабакова 2012 – *Кабакова Г.И.* Тело // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 245–249.